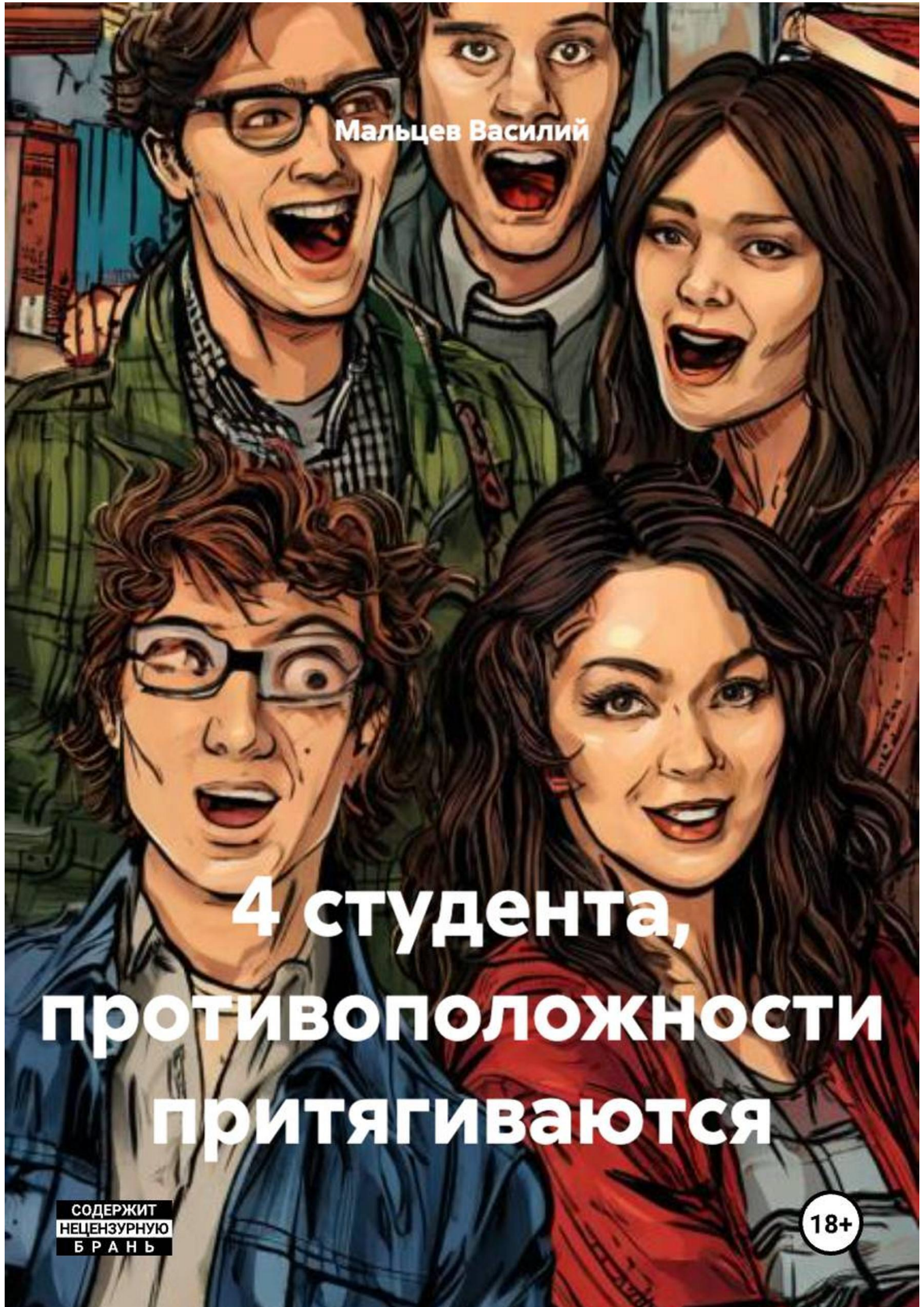


A comic book style illustration of four young adults. In the top left, a man with glasses and a green jacket has a wide, open-mouthed smile. Next to him, a man with a grey shirt has a similar expression. To the right, a woman with long dark hair and a red jacket also has a wide smile. In the bottom left, a man with curly hair and glasses looks surprised with wide eyes and an open mouth. In the bottom right, a woman with long dark hair and a red jacket looks directly at the viewer with a slight smile. The background is filled with colorful, stylized bookshelves.

Мальцев Василий

4 студента, противоположности притягиваются

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мальцев Василий

**4 студента, противоположности
притягиваются**

«Автор»

2026

Василий М.

4 студента, противоположности притягиваются / М. Василий —
«Автор», 2026

Часть 2 Жанр : Черная и пошлая сатирическая комедия, с элементами драмы, психологии глубокого копания в личностях студентов и мелодрамы. В книге Четыре студента, экономика абсурда вы познакомитесь с четырьмя студентами, которые не по своей воле поступили на платное отделение менеджмента в Высшую школу экономики. Их объединяет не только учёба, но и множество комичных ситуаций, в которые они попадают. Также в этой части будет много конченных выходок Алексея, которые он делает ради популярности. Вы окунётесь в мир чёрного юмора и сатиры, где анекдоты переплетаются с повседневной жизнью студентов. Финалист. Эта книга литературный проект Мифы, где смешные истории и абсурдные ситуации становятся основой для глубокого понимания жизни и учёбы.

© Василий М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 22. Хищник на сафари	5
Эксклюзив: Алексей vs Алиса. Битва альф в холле универа	7
Глава 23. Алгоритм аферы, или Ловушка для зеркального карпа	10
Глава 24. Эластичность спроса и неэластичность идиотизма	12
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Мальцев Василий

4 студента, противоположности притягиваются

Глава 22. Хищник на сафари

Урок с библиотекой и угрозами полиции не пошёл впрок. В голове Валеры, разгорячённой злобой и стыдом, созрел новый, «гениальный» план. Если обычные девушки не ведутся на напор, значит, нужно идти туда, где этот напор — валюта. Туда, где ценят дерзость, наглость и понты. Нужно выбрать самую неприступную, самую крутую. И взять её штурмом.

Объектом стала Алиса, легенда их потока. Не просто тусовщица, а икона стиля и разврата, по слухам. Дочь какого-то мелкого чиновника, учившаяся кое-как, но жившая по принципу «ночь-клуб-шопинг-инстаграм». Она появлялась на парах в дизайнерских лохмотьях, с ярким макияжем и свитой таких же продвинутых подружек. Все парни по ней сохли, но боялись подойти. Валера решил, что страх — удел слабаков. Он будет тем, кто её достанет.

Он вложился в образ по полной. Купил подделку дорогих часов (чтобы «блинкало»), нацепил все свои цепи, натянул узкие-узкие джинсы и майку, обнажающую тренированные (по его мнению) бицепсы. Пахло от него дешёвым парфюмом с названием «Ярость» и дерзкой уверенностью самоубийцы.

Он выследил Алису и её «стаю» в холле возле автоматов с кофе. Они громко смеялись, обсуждая какую-то вечеринку. Валера подошёл, раздвинув двух её подруг плечом, как ледокол. «Алиска, привет, — начал он, не дожидаясь приглашения. Голос — хриплый, нарочито расслабленный. — Давно хотел тебя взять на карандаш.»

Алиса медленно повернула к нему голову, оценивающе скользнув взглядом с головы до ног. В её взгляде не было ни интереса, ни испуга — лишь холодное, хищное любопытство, как у кошки, которой подсунули незнакомый, сомнительный корм. «И кто ты такой, чтобы меня куда-то брать?» — голос у неё был низким, спокойным, будто она разговаривала с комнатным растением.

«Кто? Тот, кто тебе нужен, — уверенно парировал Валера, делая ещё шаг вперёд, нарушая личное пространство. — Смотрю на тебя — вся такая... гламурная. Но скупающая. Я тебя развею. По-серьёзному.»

Одна из подруг фыркнула. Алиса не дрогнула. «О, серьёзно? И как же ты меня «развешь», а?» «Да как... — Валера осклабился, делая похабный акцент. — Есть у меня одна идея. Ты любишь драйв? Не этот ваш попсовый клубный треп, а чтоб по-настоящему. На моей тачке. — Он имел в виду старенькие «Жигули» его дяди, которые иногда стояли у общаги, но сказал так, будто речь о Ferrari. — Покатаемся с ветерком. А потом... куда-нибудь, где потише. Обсудим... детали.» Он посмотрел ей прямо в глаза, пытаясь изобразить томный, обещающий взгляд. Получилось как у человека с конъюнктивитом.

Алиса медленно выдохнула струйку дыма от вейпа (хотя курить в холле было нельзя). «На твоей... тачке? — она растянула слова. — Милый, у меня папа на «Майбахе» ездит. А на «тачках» меня катают только если это кабриолет, и водитель — хотя бы сын того, у кого этот кабриолет есть. А ты... — она снова осмотрела его, — ты похож на того, кто на «тачке» развозит вьетнамскую еду. Нет, спасибо.»

Валеру покорило, но он не сдавался. «Ну, машина — не главное. Главное — кто за рулём. А я за рулём... — он нагло подмигнул, — знаю, куда крутануть. Во всех смыслах.»

Тут одна из подруг не выдержала и громко рассмеялась. «Ой, Алис, смотри, он с тобой на пацанском заигрывает! Как в сериалах про 90-е!» Алиса улыбнулась, но улыбка была ледяной. «Милый, твои «понятия» здесь не катят. Ты даже по-нормальному подкатить не умеешь. Ты просто грубый и пошлый. И пахнешь, как тот самый вьетнамский квартал возле рынка. Дешёвый парфюм, пот и отчаяние. Фу.»

Валера почувствовал, как кровь бросается в лицо. Его «крутая» поза дрогнула. «Ты что, меня, типа, сливаешь? При всём честном народе?» «А что, есть причины тебя сливать втихаря? — Алиса приподняла бровь. — Ты — открытая книга. Примитивная, с глупыми картинками. Мне с тобой даже разговаривать скучно. Иди отсюда. И не позорься больше. А то я, действительно, могу начать сливать. Но не тебя, а твои потные попытки быть крутым в наш общий чат. Там ребята из охраны почитают, посмеются.»

Это был удар ниже пояса. Она не просто отвергала — она уничтожала его статус на глазах у всей его «стаи». Она говорила с ним, как с назойливым насекомым.

«Ты... ты... — задохнулся он от бессильной злости, не находя слов. Все его заготовленные «пацанские» фразы рассыпались в прах перед её холодной, отточенной язвительностью.» «Я что? — Алиса сделала шаг навстречу, и теперь уже она нарушила его личное пространство. Её парфюм, дорогой и сложный, перебил его «Ярость». — Я — Алиса. А ты — никто. И запомни: таких, как ты, я за день десятком отшиваю. Ты даже не запомнишься. Просто ещё один лох в узких штанах. Теперь иди. Пока я не позвонила своему парню. Он, кстати, ММА занимается. И у него чувство юмора... специфическое.»

Она развернулась и пошла прочь, её подруги, хихикая, поплелись за ней. Валеру оставили стоять одного посреди холла. Он чувствовал на себе десятки взглядов: смеющихся, жалеющих, презирающих. Его «штурм неприступной крепости» превратился в жалкое, публичное самоубийство. Его не просто не приняли в «крутой» мир — его там растоптали, показав, насколько он там чужой и смешной.

Вернувшись в общагу, он не говорил ни слова. Просто снял с себя цепи, часы-подделку и швырнул их в угол. Лёг на кровать лицом к стене.

«Что, Альфа-самец вернулся с охоты? — спросил Алексей, не удержавшись. — Добычу принёс?» «Отвали, — глухо прозвучало из-под одеяла.» «Дай угадаю, — продолжил Алексей с наслаждением. — Ты полез к той самой Алисе. И она тебя... как там у вас, по понятиям... «опустила»?» «Она сказала, что я пахну вьетнамским кварталом и отчаянием, — монотонно произнёс Валера. — И что я — открытая книга с глупыми картинками.» Иван присвистнул. «Жестко. Но ёмко. Поэтично, в своём роде.» «Поэтично, блядь, — простонал Валера. — Меня при всех, как таракана, раздавили.» Глеб, не отрываясь от экрана, добавил: «Ты выбрал цель с максимальным уровнем социальной защиты и репутационной брони. Твои примитивные инструменты воздействия не просто не сработали — они были использованы против тебя для твоего же публичного унижения. Это был предсказуемый исход. Вероятность успеха была 0,3%.» «Спасибо, что просчитал, — буркнул Валера. — Теперь ясно.»

Он лежал и смотрел в стену. Его «крутой» образ был не просто развенчан — он был публично казнён самой королевой того мира, в который он так отчаянно пытался ворваться. Он был не хищником. Он был дичью, причём самой глупой и невкусной. И теперь это знали все. Даже подруги Алисы, даже охранники, которым она могла скинуть его фото в чат. Он достиг дна. Но дно, как выяснилось, было липким, пошлым и очень, очень смешным для всех, кроме него.

Алексей неудачно подкатил к Алисе, строил из себя дерзкого альфа самца

Эксклюзив: Алексей vs Алиса. Битва альф в холле универа

Слухи о позорном разгроме Валеры достигли Алексея, и в нём закипела ярость благородного происхождения. Неужели этот деревенский выскочка смел осквернить своим вниманием Алису? И был так грубо отвален? Это была не просто обида за товарища. Это было оскорбление всего его, алексеевского, понимания иерархии. Если уж подходить к Алисе, то делать это надо с имперским шиком, а не с пацанским наскоком. Он решил исправить ситуацию и показать всем, в том числе и Валере, как это делается.

Он готовился как к выходу на красную дорожку. Надел свою самую дорогую (хоть и слегка поношенную) рубашку от Boss, идеально сидящие чёрные джинсы, часы (настоящие, подарок на 18-летие). Парфюм — не «Ярость», а образец нишевой туалетной воды, которую он выпросил у знакомого парфюмера. Взгляд — надменный, оценивающий. Он не будет её «доставать». Он снизойдёт.

Алису он застал там же, у кофейного автомата. Она была одна, что он счёл хорошим знаком. «Алиса, — начал он, подходя так, чтобы свет из окна падал на его профиль. — Позволь выразить... восхищение. Наконец-то в этой серой массе менеджеров и экономистов нашёлся объект, достойный взгляда.»

Алиса медленно обернулась. Её взгляд скользнул по нему, будто по ценнику. «Алексей, да? Сын бармена?» — её голос был ровным, без интереса.

Алексея покорило, но он не подал вида. «Сын успешного ресторатора, если быть точным. Но не в этом суть. Суть в том, что твоё присутствие здесь — это как капля икры на бутерброде с докторской колбасой. Нелепо и прекрасно одновременно.» Он сделал паузу, ожидая реакции. Алиса просто отхлебнула кофе. «Продолжай, мне интересно, насколько глубоко ты залезешь в эту кучу... сравнений.»

«Я предлагаю не сравнения, а синергию, — продолжил Алексей, делая вид, что разглядывает картину на стене. — Ты — яркая, заметная. Я — обладаю связями и определённым... весом в нужных кругах. Вместе мы могли бы создать эффектную картинку. Правильную картинку для нужных глаз. Без этих... — он кивнул в сторону, где обычно тусовался Валера, — примитивных попыток обладания.»

Алиса поставила стакан. «То есть, ты предлагаешь мне стать... твоим аксессуаром? Для «правильной картинки»?» «Я предлагаю взаимовыгодное партнёрство, — поправил он. — Ты получишь доступ в места, куда с твоей нынешней... свитой тебя не пустят. Я — красивое дополнение к своему имиджу. Мы будем выглядеть безупречно.» Он позволил себе лёгкую, снисходительную улыбку. «Я знаю, о чём говорю. Я вырос в этой среде.»

Алиса засмеялась. Не звонко, а тихо, язвительно. «Ох, Боже. Ты даже хуже, чем тот, деревенский. Тот был просто пошлым и глупым. А ты — пошлый, глупый и напыщенный. Ты говоришь со мной, как будто ты мой бизнес-партнёр на переговорах по сливу бренда. «Взаимовыгодное партнёрство». «Синергия». Милый, меня кормят с ложки подобными терминами с десяти лет. Твой «вес в нужных кругах» — это папин бар на Трифоновской? Прости, но я уже выросла из коктейлей с бесплатным попкорном.»

Алексей почувствовал, как под дорогим парфюмом выступает холодный пот. «Ты не понимаешь...» «Я всё прекрасно понимаю, — перебила она. — Ты — пустышка в дорогой упаковке. Ты не «снисходишь» до меня. Ты ползешь ко мне, пытаясь прикрыть свою нищету (духовную и, как я подозреваю, скоро материальную) красивыми словами. Тот, другой, хоть был искренен в своём хамстве. А ты... ты как глянецовый журнал, в котором все статьи —

одна реклама. Скучно, Алексей. Предсказуемо. И как по мне — даже более жалко, чем тот, с цепями.»

Она сделала шаг к нему, и её голос стал тише, острее: «Запомни. Меня не покупают. Меня даже не завоёвывают такими дешёвыми трюками. Мной можно только заинтересоваться. Но для этого нужно быть чем-то большим, чем манекеном для чужой одежды и повторителем чужих фраз. А ты — просто зеркальце. Красивое, пустое, отражающее чужой свет. Тебе даже нечего отразить, кроме желания казаться. Теперь отойди. Ты загораживаешь свет. И пахнешь отчаянием, прикрытым пачулями. Фу.»

Она развернулась и ушла, оставив его стоять с открытым ртом. Её слова, как скальпель, вскрыли его, обнажив всё то, что он так тщательно скрывал: пустоту, зависимость от отца, страх быть разоблачённым. Его «имперский шик» был назван ползанием. Его «синергия» — рекламой. Его самого — пустышкой и зеркальцем.

Вернувшись в комнату, он был блее стен. Валера, с горьким удовлетворением, наблюдал за ним. «Ну что, император? Завоевал неприступную крепость?» «Заткнись, — беззвучно прошептал Алексей, срывая с себя часы. — Она сказала... она сказала, что я хуже тебя. Что ты хоть искренний. А я... пустышка. Зеркальце.» Иван присвистнул. «Зеркальце... Это мощно. Это как «сосиска в верёвочке», только для высших слоёв общества. Поздравляю, ты достиг нового уровня позора — элитного». Глеб добавил, не оборачиваясь: «Она использовала против тебя твоё же оружие — статусные маркеры и пустую риторику, — продемонстрировав их полную несостоятельность. Эффективно. Унизительно.»

Алексей лёг на кровать и уставился в потолок. Он проиграл. Не просто девушке. Он проиграл битву имиджей, и его образ был разбит вдребезги тем, чей статус он пытался оспорить. Его называли предсказуемым. Это было самое страшное. Он думал, что он уникален, а оказался — просто очередной парень, пытающийся купить внимание дешёвой имитацией роскоши. И его раскусили за секунду. Теперь он лежал, раздавленный, понимая, что его единственная ценность — быть уроком для других: как не надо пытаться казаться тем, кого все презирают ещё больше, чем откровенных лузеров.

Ситуация с Иваном и Алисой, которую Глеб окрестил «проектом Бесполезное Притяжение», начала выходить за рамки его первоначального анализа. Его тезис о «пустом контейнере» дал трещину. И не где-нибудь, а в его собственном массиве данных.

Аномалия 1: Неоптимальное использование ресурсов. Алиса, по данным Глеба, тратила в среднем 4.7 минуты в день на «непродуктивное наблюдение» за Иваном. Это время она могла бы потратить на соцсети, поддержание имиджа или планирование вечерних активностей. Вместо этого она смотрела, как он читает в углу, с выражением лица, которое Глеб с трудом классифицировал: не презрение, не скука, а что-то между «любопытством» и «раздражённым интересом». Это был сбой в её эффективной поведенческой модели.

Аномалия 2: Отклонение от стандартных скриптов. Когда Валера, оправившись от разгрома, снова попытался «по-пацански» пройти мимо неё с кивком (типа «ну ты, Альса, даёшь!»), Алиса не уничтожила его взглядом и не проигнорировала. Она... спросила: «Твой друг, этот... Иван. Он всегда такой задумчивый?» Валера ошалел, пробормотал что-то про «ботана» и ретировался. Глеб, услышав пересказ, занёс это в таблицу как «прямой запрос о субъекте И. вне контекста статусных игр». Это было не просто отклонение. Это был интерес.

Аномалия 3 (самая тревожная): Непредсказуемые микро-реакции. Иван, по совету Алексея («просто будь рядом, но не лезь, дурак»), начал просто существовать в её поле зрения. Не подходя, не говоря. Просиживал за соседним столиком в кафе. Однажды, когда она роняла ручку, он молча поднял её и протянул. Их пальцы не коснулись. Но Алиса не сказала своего коронного «ну и что?» или «не твоё дело». Она на секунду задержала взгляд на его руке, потом быстро забрала ручку и пробормотала: «Спасибо». Тихо. Почти неслышно. Глеб, сидевший за своим ноутбуком в том же кафе и фиксировавший взаимодействие, аж поднял бровь. «Спа-

сибо» не входило в её стандартный лексикон для мужчин. Это был сигнал. Непонятный, слабый, но сигнал.

Вечером в общаге Глеб обновил свои выводы. «Моя первоначальная гипотеза требует корректировки, — объявил он, глядя на графики на мониторе. — Объект А. демонстрирует признаки нестандартного поведения в присутствии субъекта И. Уровень агрессии падает на 60%, наблюдаются микрожесты, указывающие на состояние mild confusion (лёгкой растерянности). Она инициировала запрос о нём у третьей стороны. Это не соответствует модели «пустого контейнера» или эффективного социального паразита. Паразит не проявляет избирательного интереса к сложноустроенному и непредсказуемому хозяину. Это эволюционно невыгодно.»

«Ты о чём, бот? — устало спросил Валера. — Проще.» «Она о Ваньке не просто так думает. Но не знает, что с этим делать. Как я. Точнее, как моя программа при столкновении с неразрешимой задачей. Она зависла.»

Иван, услышав это, поднял голову. В его глазах вспыхнула надежда, смешанная с ужасом. «Значит... она не конченная?» «Термин «конченная» некорректен, — поправил Глеб. — Она демонстрирует неожиданную поведенческую сложность в данном конкретном контексте. Что, впрочем, не отменяет её общей интеллектуальной ограниченности в широком смысле. Она может быть «не конченной» конкретно для тебя, оставаясь «конченной» для остальных 99% ситуаций.» «Это... обнадеживает?» — неуверенно сказал Иван. «Это усложняет модель, — констатировал Глеб. — И повышает риск ошибки для всех участников. Я не люблю, когда модели усложняются без моего разрешения.»

Тем временем Алиса в своей комнате в элитной общаге (платной, разумеется) тоже проводила «анализ». Она листала инстаграм, но не видела сторис. Она думала о том, как этот странный тип смотрит на неё. Не как все. Без желания. Без страха. С... вниманием. И сегодня она сказала ему «спасибо». Почему? Он просто поднял ручку. Любой другой на его месте сделал бы то же, чтобы потом иметь повод заговорить. А он... просто поднял и отдал. И отошёл. Как будто для него этот жест не имел социального веса. Как будто он просто исправил мелкий сбой в окружающей среде. Это было... странно. И от этого «спасибо» вырвалось само. Почти рефлекторно. А теперь она сидела и чувствовала себя глупо. Она, Алиса, сказала «спасибо» какому-то ботану. За ручку. Это было ниже её достоинства. Но почему-то не было стыдно. Было... неловко. И любопытно. Что, если Глеб, которого она презирала за его цифровую бесчувственность, был прав в чём-то другом? Что, если в этом Иване есть какая-то своя, идиотская, но настоящая логика? Та, которую нельзя сломать, потому что она не про подчинение, а про что-то ещё?

Они оба боялись подойти. Но теперь их страх приобрёл новые оттенки.

Иван боялся, что, подойдя, он разрушит хрупкую аномалию, которая, как оказалось, существует. Что реальная Алиса не совпадёт с той, что заинтересовалась им в его отсутствии.

Алиса боялась, что, подойдя, она окажется не на своей территории. Что её обычное оружие — насмешка, холодность, превосходство — окажется бесполезным против того, кто, кажется, в них не верит. И ей придётся быть просто собой. А кто это — она уже плохо помнила.

А Глеб сидел перед монитором и вносил новые параметры в свою модель. Он всё ещё считал Алису интеллектуально ограниченной. Но теперь ему пришлось признать, что даже ограниченные системы могут демонстрировать непредсказуемое поведение при столкновении с внештатным стимулом. И этот стимул, к его досаде, оказался его соседом по комнате — субъектом И., человеком, который вместо логики использовал «чувства» и «метафоры». Это было неэффективно, иррационально и, как теперь выяснялось, потенциально заразно. Ситуация выходила из-под контроля. А Глеб ненавидел, когда что-то выходило из-под контроля.

Глава 23. Алгоритм аферы, или Ловушка для зеркального карпа

Наблюдения за Алисой привели Глеба не к романтическим выводам, а к холодному, расчётливому заключению. Она была ходячим воплощением иррационального спроса. Она покупала статус, внимание, иллюзию исключительности. Её ресурсы (деньги родителей, в первую очередь) управлялись не логикой, а эмоциями и социальными инстинктами. А где иррациональность и деньги — там возможность для оптимизации финансовых потоков.

Идея созрела быстро. Его проект «Waifu.Hub», несмотря на провал на защите, имел презентабельную оболочку: красивые графики, громкие слова про ИИ и будущее. На деле это была пустышка, но пустышка, обёрнутая в модный техно-нарратив. Идеальная приманка для Алисы. Она ведь хотела быть «на острие», «в тренде»? Что может быть трендовее ИИ и стартапов? Он решил предложить ей стать ангельским инвестором. Не из-за её ума, а из-за её тщеславия и глупости.

Он подготовился безупречно. Создал фейковый лендинг с футуристичным дизайном. Стенерировал ИИ-изображения «прототипов» — милых аниме-девушек в хай-тек интерьерах. Написали питч, щедро сдобренный словами «нейросеть», «big data», «персонализация», «революция социальных взаимодействий». Ни одного рабочего прототипа, разумеется, не было. Только красивый фасад.

Он подошёл к ней не как поклонник, а как деловой партнёр — в своих обычных шортах и футболке, с планшетом в руках. «Алиса. У меня есть деловое предложение. Внеэмоциональное. Чисто по цифрам.»

Алиса, увидев его, насторожилась. С этим типом было неясно — то ли он придурок, то ли социопат. «Цифры? У тебя? Это что, новая форма подката?» «Нет. Это предложение об инвестициях. Я разрабатываю платформу на базе ИИ — Waifu.Hub. Рынок digital companionship оценивается в миллиарды. У меня есть технологическое видение. Тебе, судя по твоей... социальной стратегии, близка тема управления впечатлениями и статусом. Вложившись на ранней стадии, ты получишь не только потенциальную финансовую отдачу, но и статус со-основателя инновационного проекта. Это выгоднее, чем просто покупать сумки. И аутентичнее.»

Он был беспощадно логичен. Он играл на её слабых местах: жажде статуса, желании быть «не как все», скуке от обычного потребления.

Алиса взяла планшет, пролистала слайды. Картинки были красивые. Текст звучал умно, хотя и непонятно. «И что, эта... вайфу. Она что, реальная?» «Реальность — понятие растяжимое, — ответил Глеб, избегая прямого вранья. — Продукт создаёт иллюзию реального взаимодействия такой глубины, что разница становится несущественной. Как и в индустрии люкса, где ценность — в восприятии, а не в функционале. Ты же это понимаешь лучше многих.»

Он польстил ей, сравнив с индустрией люкса. Это сработало. «И сколько нужно?» «На начальный этап — триста тысяч. На разработку MVP, — сказал Глеб, назвав сумму, которую, как он знал по слухам, она могла выпросить у родителей на «что-нибудь важное». — За это ты получишь 5% в проекте и титул со-основателя. Твоё имя будет в питч-деках для следующих раундов.»

Алиса задумалась. Её лицо выражало не финансовую расчётливость, а социальную. Она представляла, как рассказывает «ну ты поняла кому» на вечеринке: «Ой, я тут в один стартап вложилась, AI, персонализация, будущее...». Это звучало круто. Круче, чем новая сумка. «И как я пойму, что ты не кинешь деньги?» «У нас будет договор. Прозрачный. Ты будешь в курсе этапов. Но техническая часть — моя зона ответственности. Твоя зона — репрезентация проекта в нужных кругах. Симбиоз.»

Она смотрела на него, и в её глазах мелькало что-то новое — не презрение, не страх, а расчётливый интерес. Этот странный парень предлагал ей не свидание, а сделку. И в этой сделке она была не объектом, а стороной. Это было необычно. «Дай подумать, — сказала она, возвращая планшет. — И скинь мне эти... слайды.»

Вернувшись в общагу, Глеб был необычно оживлён. «Я инициировал контакт с объектом А. по финансовому каналу, — доложил он соседям. — Вероятность успеха — 67%. Она заинтересовалась не продуктом, а социальным капиталом, который он может принести. Это в точности соответствует её поведенческой модели.» «Ты что, серьёзно хочешь её развести на бабки? — ахнул Алексей. — Ты с ума сошёл? Её папаша тебя в бетонных тапочках утопит!» «Риски учтены. Договор будет составлен легально, с указанием высокорискованных вложений в инновационный проект. Её отец — чиновник среднего звена, не криминальный авторитет. Максимум — судебный иск о возврате средств, если проект провалится. Что, вероятно, и произойдёт. Но к тому времени деньги будут потрачены на серверное время и моё проживание. Юридически предъявить будет нечего, кроме неудачи в бизнесе.» «Это же афера, блядь! — сказал Валера, но в его голосе звучало скорее уважение. — По понятиям, конечно, нехорошо... но чётко.» «Это не афера. Это предоставление высокорискованной инвестиционной возможности с прозрачными условиями, — поправил Глеб. — Она покупает не продукт, а надежду и статус. Я продаю именно это. Соответствие спроса и предложения.»

Иван сидел бледный. Ему было противно. Его «чёрная звезда», пусть и «конченная», в его глазах, становилась жертвой холодного, цифрового расчета. «Это... мерзко, Глеб. Ты пользуешься её...» «Её чем? Глупостью? Тщеславием? — перебил Глеб. — Этими ресурсами она пользуется сама каждый день. Я лишь предлагаю рыночный обмен. Эмоциональная оценка «мерзко» нерелевантна.» «А если она влюбится в тебя после этого? — саркастически бросил Алексей. — В своего инвестора-гения?» «Вероятность близка к нулю. Её модель взаимодействия с мужчинами бинарна: либо статусный объект для завоевания/унижения, либо фон. Я позиционирую себя как полезный инструмент. Это новая, нейтральная категория. В неё не влюбляются.»

Через два дня Алиса написала ему в Telegram. Коротко: «Готова обсудить. Завтра после пар. Только без твоих придурков-соседей.»

Глеб позволил себе редкую, едва заметную улыбку. Система работала. Он нашёл ключ к «пустому контейнеру». Не через чувства, не через силу, а через её же собственную, примитивную операционную систему — жажду статуса и страх выпасть из тренда. Он не влюблялся. Он эксплуатировал. И в этом был свой, чёрный, цифровой и абсолютно пошлый романтизм.

Глава 24. Эластичность спроса и неэластичность идиотизма

Пара по микроэкономике. Преподаватель, Сергей Павлович, человек, видевший в графиках спроса и предложения высшую поэзию, пытался втолковать им понятие эластичности. «Эластичность спроса по цене, — вещал он, — это мера реакции количества спрашиваемого блага на изменение его цены. Если спрос эластичен — потребитель чувствителен к цене. Если неэластичен — ему всё равно, он купит, даже если цена взлетит до небес. Например...»

В этот момент его взгляд упал на наших героев, и он решил проиллюстрировать тему на живых примерах. Роковая ошибка.

«Вот, например, возьмём... Валеру. Его спрос на солёные огурцы «от мамки», судя по постоянному наличию таковых, абсолютно неэластичен. Цена на них может вырасти, доставка из деревни усложниться — он всё равно будет их потреблять. Это товар первой необходимости в его потребительской корзине. Более того, это, кажется, благо Гиффена — чем дороже, тем больше он их ценит, ибо это связь с домом.»

Валера, пойманный на месте преступления с половинкой огурца в руке, покраснел и спрятал его под парту. «Это ж не огурцы, это... ностальгия по родине, блядь. По понятиям.»

«Отлично! — оживился Сергей Павлович. — «Ностальгия по родине» — это и есть та самая потребительская полезность, которая делает спрос неэластичным! Теперь... Алексей. Твой спрос на... скажем, предметы статуса. Он эластичен или нет?»

Алексей, поправлявший манжет, замер. «Э-э... Это зависит. Если это эксклюзивная вещь, которая подчёркивает мою уникальность...» «То есть, если цена растёт, а уникальность вместе с ней — твой спрос тоже растёт? Это уже не эластичность, это эффект Веблена — демонстративное потребление! Вы, молодой человек, потребляете не товар, а символ! Ваш спрос на такие блага может иметь положительный наклон!»

Алексей сел, чувствуя себя разоблачённым. Его уникальность только что свели к графику.

«А вот вы, — преподаватель указал на Глеба, — судя по вашему оборудованию, ваш спрос на электронику и цифровые сервисы... он, скорее, неэластичен по доходу. Даже если ваша стипендия упадёт, вы будете экономить на еде, но не на интернете или новой видеокarte. Это благо высшего порядка для вас. И, я подозреваю, ваш спрос на социальные взаимодействия, наоборот, совершенно эластичен. При малейшем «росте цены» — необходимости прилагать усилия — вы сокращаете «потребление» до нуля.»

Глеб, не отрываясь от экрана, кивнул: «Корректное наблюдение. Социальные взаимодействия имеют высокие транзакционные издержки при низкой предсказуемой полезности. Оптимальная стратегия — минимизация.»

А вот Ивана преподаватель не трогал. Тот сидел у окна, подперев голову рукой, и смотрел не на доску с формулами, а в серое небо за стеклом. Он был полностью неэластичен к происходящему в аудитории. Его внутренний рынок был захвачен единственным, монопольным благом — образом Алисы.

В его воображении разворачивались сложные экономические модели их гипотетических отношений.

Кривая безразличия между «взглядом Алисы» и «одобрительной улыбкой Алисы» была для него бесконечно крутой. Он готов был отказаться от любого количества взглядов ради одной, даже самой крошечной, улыбки.

Его предельная полезность каждого нового воспоминания о ней (то самое «спасибо» за ручку) стремительно падала, потому что за ним не следовало новых «поставок» внимания, и он мучительно пережёвывал одно и то же, пытаясь извлечь из него максимум.

Он мысленно строил кривую производственных возможностей своего сердца: ось X — «Творческое саморазвитие», ось Y — «Страдание из-за Алисы». И видел, что экономика его души сместилась глубоко вправо по оси Y, производя чудовищный объём страданий при нулевом выпуске творчества.

Алиса была для него благом с отрицательной перекрёстной эластичностью. Появление любого другого потенциального объекта привязанности (однокурсницы, искусство, учёба) только увеличивало его спрос именно на неё, эту недоступную, «несовершенную» монополию.

«...Итак, — гремел голос Сергея Павловича, — если мы говорим о совершенно неэластичном спросе, то кривая на графике будет...»

В этот момент Валера, всё ещё задетый за живое «огурцовым» разбором, решил продемонстрировать свою эластичность. Он резко потянулся к рюкзаку Алексея, где лежала банка дорогого энергетика, и громко сказал: «Вот, смотрите! Спрос Лехи на эту химическую бурду — он неэластичный? А я вот щас проверю!» Он схватил банку и сделал вид, что хочет её открыть и вылить. Алексей вскрикнул: «Не смей, это лимитированный вкус!» — и бросился отбирать. Завязалась короткая, нелепая борьба за банку прямо посреди пары.

Глеб, видя нарушение порядка и потенциальную порчу имущества (банка могла открыться и залить его ноутбук), среагировал по протоколу. Он резко встал, чтобы предотвратить инцидент, и задел ногой провод от своей многоэкранной установки. Провод выдернулся из удлинителя с искрами. Один из мониторов Глеба погас. На втором, оставшемся работать, как назло, в этот момент была открыта не экономическая модель, а... аниме-девушка из его проекта Waifu.Hub, в довольно откровенной позе.

Тишину в аудитории разорвал возглас Сергея Павловича: «Что это?! Объясните это безобразию! Борьба за энергетик? И... что это у вас на экране, молодой человек?! Это что, новая визуализация кривой безразличия между трудом и капиталом?!»

Все замерли. Валера и Алексей в позе борьбы за банку. Глеб, застывший в попытке поймать монитор. И на большом экране — пиксельная дева с кошачьими ушками, беззастенчиво взвизгивающая на аудиторию.

И только Иван в этот самый момент, оторвавшись от своего облачного окна, встретился взглядом с... Алисой. Она сидела через несколько рядов и смотрела на весь этот цирк. Не с презрением. С каким-то... удивлённым интересом. Их взгляды встретились на долю секунды. И в голове у Ивана немедленно построился новый, безумный график: «Зависимость вероятности положительного исхода (оси Y) от уровня общего идиотизма окружающей среды (оси X)». И он с ужасом и восторгом понял, что в точке текущего, запредельного идиотизма, эта вероятность внезапно перестала быть нулевой.

«Всем сидеть! — рявкнул Сергей Павлович. — Валера и Алексей — завтра принести мне реферат об эластичности спроса на безалкогольные напитки среди студентов! Глеб... я даже не знаю, с чего начать. Индивидуальная консультация после пары. А остальные... продолжим. Где мы остановились? Ах, да. Совершенно неэластичный спрос...»

Иван снова отвернулся к окну, но уже не видел серого неба. Он видел отражение аудитории в стекле. И в этом отражении, совсем рядом с его собственным, ему почудилось отражение другого профиля. Худого, с высоко поднятой головой. Он сглотнул. Его спрос на один единственный, невозможный взгляд оказался самым неэластичным в мире. И цена за него, как он начинал понимать, могла быть запредельно высокой. Но в этот момент он был готов заплатить что угодно. Даже признать, что в этой экономике абсурда, где его друзья дерутся за энергетик под взором цифровой вайфу, может существовать место для чего-то отдалённо похожего на шанс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.